

ДЖУЛИУС ФЕЙФЕР

Убийство в Белом доме

ПЬЕСА В ДВУХ ДЕЙСТВИЯХ

Перевод с английского Н. КУЗЬМИНСКОГО

*Пьеса «Убийство в Белом доме»
была впервые показана на сцене театра «Серкл ин сквер» в Нью-Йорке
18 февраля 1970 года
в постановке Алана Аркина.*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА (В ПОРЯДКЕ ПОЯВЛЕНИЯ НА СЦЕНЕ):

ПОЛКОВНИК ДОУН.
ЛЕЙТЕНАНТ КАТЛЕР.
ГЕНЕРАЛ ПРАТТ.
ПРОФЕССОР СУИНИ.
МИССИС ХЕЙЛ.

МИНИСТР ПОЧТЫ И ТЕЛЕГРАФА
СТАЙЛС.
МИНИСТР ЮСТИЦИИ КОУЛ.
МИНИСТР ОБОРОНЫ ПАРСОН.
ПРЕЗИДЕНТ ХЕЙЛ.
КАПИТАН ВИМС.

Время действия: недалекое будущее — несколько президентских выборов спустя.

Действие I

Картина первая

Пустая сцена, освещенная тусклым, холодным светом. Слышны звуки артиллерийской канонады, близкие и отдаленные. Внезапные вспышки, синхронно с разрывами. Лейтенант Катлер и солдат бегут через сцену. Пулеметная очередь, солдат падает. Лейтенант припадает к земле и затем осторожно начинает продвигаться вперед. Появляется полковник Доун: он быстро ползет на животе и вскоре догоняет Катлера.

Доун. Ну, как дела, лейтенант?

Катлер. Эти даго¹ прочно там окопались, сэр.

Доун. А вы били по ним из стотридцатипятимиллиметровых?

Катлер. Полковник Доун, мы стреляли и из двухсотдевятиностомиллиметровых, и из шестьсот двадцать восьмых, и из сто тридцать пятих — да изо всех калибров.

Доун. А в чем же дело?

Катлер. У этих даго хорошая артиллерия, сэр. Чертовски хорошо стреляют и к тому же — моральный фактор на высоте.

Доун. Я требую, чтобы вы закрепились на этом участке, лейтенант Катлер.

¹ Презрительное прозвище, употребляемое в США по отношению к латиноамериканцам.

Катлер. Сэр, мы нанесли им двенадцать ударов с воздуха — напалм, дефолианты, шрапнель, осколочные бомбы, фугасные... Но металл на даго не действует. Они фанатики, сэр. Не дорожат жизнью.

Доун. На этот участок фронта должен прибыть генерал Пратт. Мне нужны хорошие результаты для генерала Пратта.

Катлер. У меня отличные ребята, полковник Доун, но эти даго — твердый орешек.

Доун. Об отступлении не может быть и речи.

Катлер. Я и не предлагаю отступать, сэр, только хочу сказать, что эти даго — твердый орешек.

Доун. Генерал Пратт завтра возвращается в Вашингтон. Едва ли надо говорить, как для нас важно, что именно он доложит президенту. Наши действия здесь, в Бразилии, не очень-то популярны.

Катлер. Я знаю, сэр. Вот если бы мы могли применить СБ-97.

Доун. Я не знал, что СБ-97 дали на вооружение.

Катлер. Да, сэр. Но не разрешили применять.

Доун. У меня нет таких сведений.

Катлер. Однако это так, сэр. Он поступил, но не подлежит применению. Вот если бы мы могли им воспользоваться...

Доун. Исключено. Эта штука не очень надежная.

Катлер. Простите меня, сэр, но даго так массированно здесь окопались, что коэффициент воздействия будет, по-моему, не менее восьмидесяти.

Доун. Но мы нарушим Женевскую конвенцию...

Катлер. Я не политик, сэр. Но если нужно выкурить этих даго для генерала Пратта, такую задачу может выполнить только СБ-97.

Доун. Так ты говоришь, его уже прислали?

Катлер. Да, сэр.

Доун. Зря бы его не присылали.

Неловкая пауза.

Но его нельзя применить без соответствующего разрешения — КСР.

Катлер. Вы имеете право дать разрешение.

Доун. Но если я дам разрешение, оно будет дано по вашей рекомендации.

Катлер. Неофициальной рекомендации, сэр. Я ведь не имею официального права давать такую рекомендацию.

Доун. Но мне нужна официальная рекомендация, иначе мне не разрешено разрешать. Как же быть — давать разрешение или не давать?

Пулеметная очередь. Оба отползают назад.

Входит генерал Пратт и с удивлением смотрит на них.

Пратт. Что делают американские солдаты на коленях перед горсткой каких-то вшивых бразильцев?

Катлер (*вскакивает, вытягивается в приветствии*). Здравия желаю! (*И тотчас падает, подкошенный пулей.*)

Пратт бросается наземь. Доун переворачивает Катлера.

Доун. Он истекает кровью, генерал Пратт.

Пратт. Что он бормочет?

Катлер. С-Б-9-7...

Пратт. С-Б что?

Доун. Лейтенант Катлер рекомендует разрешить применение СБ-97.

Пратт. А вы одобряете подобную рекомендацию, полковник?

Доун. Я не располагаю столь полной картиной обстановки, как вы, генерал Пратт.

Катлер. С-Б-9-7...

П р а т т. Не беспокойся, сынок. (Доуну.) Боюсь, ему придется расстаться с ногой. Может, это его последняя просьба, полковник.

Доун. Значит, вы считаете, надо действовать?

П р а т т. Если вы так считаете.

Доун. Я так считаю, раз вы так считаете.

П р а т т. И он тоже так считает?

Доун. Да, сэр.

П р а т т. Ну, что ж, если он так считает и вы так считаете, я согласен.

Доун. Следует ли понимать, сэр, что вы разрешаете мне разрешить?

П р а т т. Раз вы так считаете.

Катлер. С-Б-9-7...

П р а т т. Успокойся, парень. Ты получишь этого СБ-97 сколько угодно.

Катлер. Да благословит вас бог, сэр.

Доун выбегает.

П р а т т. Постойте, полковник Доун! (Бежит за ним.) Полковник Доун, вернитесь! (Остановившись, достает красный кодовый справочник из кармана мундира.) А-А-А, Б-Б-Б, С-Б. СБ-3, СБ-7, СБ-9, СБ-95, СБ-97... (Читает.) Нервный газ! (Катлеру.) Я тебя изуродую за это! (Кидается вслед за Доуном.) Отменить! Отменить! Я отменяю!!!

Затемнение.

Картина вторая

Кабинет президента Хейла. Перед его письменным столом полукругом стоят пять кресел. В окне виден Капитолий. Позади стола — дверь. Миссис Хейл быстро перелистывает бумаги на столе президента. Входит профессор Суини.

Суини. Миссис Хейл! Это секретные документы!

Миссис Хейл. Суини, что произошло в Бразилии? Мой муж не говорит мне ни слова.

Суини. Ты же знаешь, что нарушаешь правила безопасности. Тебе нельзя быть здесь.

Миссис Хейл. В кабинете моего мужа? Не будь ослом.

Суини. В кабинете президента!

Миссис Хейл. Эмми был президентом двух благотворительных фондов и одного университета, и кабинет его всегда был для меня открыт. Хотела бы я посмотреть, как бы он меня из него выставил. А теперь, Суини, скажи мне, что случилось? Ты же понимаешь, что я все равно узнаю.

Суини. Ты что, хочешь поссорить меня с президентом?

Миссис Хейл. Очень. Я заметила в тебе какие-то проблески человеческих чувств, Суини. А они появляются, лишь когда ты не в ладах со своей совестью. Это единственное, что мне нравится в тебе.

Суини. О, Эвелин! (Пытается ее обнять.)

Она отстраняется от него.

Неужели ты не можешь относиться ко мне серьезно?

Миссис Хейл. Не обижайся, Суини. Я не могу принимать всерьез никого из тех, кто работает на правительство.

Суини. Ты анархистка, Эвелин. Иногда это так меня злит, что хочется душу из тебя вытрясти.

Миссис Хейл. Лучше швырни в меня бомбу. Ведь так обычно здесь поступают, когда рушатся чьи-то надежды.

Суини. Знаешь ли ты, сколько бомб взрывалось бы, если бы не я!

Миссис Хейл. Скажи, какую угрозу может представлять Бразилия для Соединенных Штатов?

Суини. Это дело политиков. А я занимаюсь исследованиями и изысканиями.

Миссис Хейл. И поэтому мы влезли в Бразилию? Новые войны для того, чтобы испытать результаты твоих новых исследований?

Суини. Я такой же сторонник мира, как и ты! И я делаю намного больше, чем все эти пацифисты, все эти дезертиры, эти демонстранты, эти преступники, которые так близки твоему сердцу! Я работаю изнутри!

Миссис Хейл. О, да. Может, скажешь, в чем состоит эта твоя работа, из-за которой созывают чрезвычайное совещание в воскресенье в восемь часов утра? Именно это я и пришла сюда узнать. Скажи мне, Суини!

Суини отстраняется от нее.

(Она делает к нему шаг.) Ну, ради меня, Суини.

Стайлс *(входит на сцену из двери справа и застывает на пороге)*. Первая леди, профессор Суини!.. *(С широкой ухмылкой.)* Доброе, доброе утро.

Миссис Хейл с застывшим лицом молча проходит мимо Стайлса. Он гаденько улыбается. Входит Коул, оборачивается и смотрит вслед миссис Хейл.

Коул. Эта женщина...

Стайлс. Что она здесь делала?

Суини. Откуда я знаю? Доброе утро, Тим.

Стайлс *(подозрительно)*. Привет.

Суини. Ньютон? Здравствуйте.

Коул. Добрый день, профессор Суини. *(Стайлсу.)* Вы слышали, какое представление она устроила во время сидячей демонстрации в министерстве юстиции на прошлой неделе?

Суини *(недоверчиво)*. Не может быть!

Стайлс *(с усмешкой)*. В самом деле?

Коул. Прямо перед моим кабинетом. Сказала им, что их дело правое и что они должны продолжать борьбу. Пришлось пригрозить журналистам, что мы привлечем их к суду за участие в заговоре, иначе вся эта история попала бы в газеты. Вы не представляете себе, какое у меня досье на эту женщину.

Стайлс. Ох, уж эти проклятые досье! Интересно, есть ли в нашей стране хоть один политический деятель, которого ты не мог бы стереть в порошок, Ньютон?

Коул. Вот тебя, например, я бы с радостью отдал под суд за то, что твоя почта так плохо работает.

Стайлс. Главная задача министра почты и телеграфа — вовремя доставить избирательные бюллетени. А почта — дело второстепенное. Меня куда больше волнует история, в которую мы влипли в Бразилии по милости Суини...

Суини *(в ярости)*. По моей милости?

Стайлс. А кому же еще в голову пришло проводить испытания ядовитого газа за шесть недель до президентских выборов?

Суини. Эти сведения совершенно секретны!

Стайлс. Я председатель национального комитета нашей партии, профессор. И ваши маленькие эксперименты нельзя от меня утаить. В следующий раз, когда вы пожелаете травить американские войска газом, делайте это после президентских выборов.

Суини. Этот вопрос не подлежит обсуждению — мы нарушаем правила национальной безопасности.

Стайлс. Значит, косоглазые знают о газе, а министр не должен знать? Вот вам она, наша Америка!

Коул. Черномазые, Тим, это еще не косоглазые.

С т а й л с. Да, конечно. Я просто запутался в этих войнах — они начинаются одна за другой.

Су и н и. Косоглазые! Черномазые! Неужели вам не ясно, что вы теряете человеческое достоинство, употребляя эти слова?

С т а й л с. Суини проводит слишком много времени около юбки Первеледи.

Коу л. Вот было бы хорошо, если бы президент надел намордник на эту женщину.

С т а й л с. Нам еще повезло, что она не уговорила его надеть намордник на всех нас! (Хохочет.)

Коу л (сердито). Я не шучу. Просто не могу понять, почему он не боится ни русских, ни китайцев, ни арабов, ни бразильцев, ни африканцев — и так боится собственной жены.

Парсон (входя справа). А, моя любимая тема! Доброе утро, мужчины.

С т а й л с. Здравствуй, Бифф.

Коу л. Хэлло, Бифф.

Су и н и (не без иронии). Приветствую вас, министр обороны.

Парсон. А, виновник торжества! Что случилось с твоим мирным предложением, Суини?

С т а й л с. Это он так его называет?

Коу л. Мирный газ? А сколько убито?

Су и н и. Пока еще нет точных данных.

Парсон. Семьсот пятьдесят солдат и офицеров. И все американцы.

С т а й л с. Ого!

Су и н и. Еще рано о чем-либо говорить. СБ-97 не всегда дает смертельный исход.

С т а й л с. А какой же другой, если не смертельный?

Су и н и. Пока неизвестно. Многое зависит от климатических условий.

Парсон. Еще девяносто человек парализовано, в том числе начальник штаба армии.

С т а й л с. Генерал Пратт? Я этого не знал.

Коу л. Твоя разведка работает хуже моей, Тим. Я знал это уже вчера в девять тридцать вечера.

Парсон. А меня информировали только в девять сорок пять, хотя министр обороны!

С т а й л с. Не надо спорить, ребята. Государственный секретарь, например, — тот вообще еще ничего не знает.

Стайлс и Парсон хохочут. Коул улыбается. Суини встревожен.

Су и н и. А почему его нет здесь?

Парсон. Все еще в опале?

Коу л. Он же свалил такого дурака, когда решался вопрос о введении наших войск в Бразилию.

С т а й л с. Если бы у него было бы хоть немного ума...

Су и н и. Но он же возражал против вторжения. Так же, как и ты, Стайлс, и ты, Коул.

Парсон. Да, но только до того, как выступил президент и сообщил свое решение.

Су и н и. Он самый старый член кабинета. Возможно, эти четыре войны за последние шесть лет доконали его.

С т а й л с. Если не переносишь жары, уходи из кухни.

Парсон. Кто это сказал? Гарри Трумэн?

С т а й л с. Во всяком случае, не председатель Мао.

Парсон. Весь вопрос в том... (Умолкает.)

Коу л. В чем, Бифф?

Парсон. Ладно, забудем.

уини. Может ли президент выдержать жару? Вы это хотели сказать, господин министр?

арсон. А ты сообразительный малый, Суини. Надо отдать тебе должное.

оул. Ты думаешь, президент сомневается насчет Бразилии? Я не могу с тобой согласиться, Бифф.

арсон. Его это никогда не радовало.

оул. А кого радовало?

тайлс. Во всяком случае, не меня.

уини. Прошло два года, а чем мы можем похвастаться? Двадцать пять тысяч убитых!

арсон. Потери вполне допустимые. А по сравнению с африканской войной — так вообще капля в море. Мы учимся на наших ошибках.

тайлс. Это обучение за шесть недель до выборов может чертовски дорого обойтись.

оул. А еще эти миролюбцы лезут изо всех щелей. Сегодня я сажаю в тюрьму тысячу человек — завтра новые тысячи устраивают беспорядки.

тайлс. Да что они значат, эти мирные бунты, для такого человека, как президент, с его опытом политической деятельности! С него все — как с гуся вода.

арсон. Я не боюсь, что на него повлияют эти мирные выступления. Я боюсь влияния этой женщины. Вот из-за чего я не сплю ночами. Эта баба стоит четырех дивизий противника.

оул. Я однажды попробовал пригрозить ей судом. Она рассмеялась мне в лицо.

тайлс. Вы, ребята, слишком серьезно к ней относитесь. Она забавляет всю страну.

уини. Она серьезная женщина!

оул. Она не имеет права смеяться надо мной.

арсон. Она не умеет логически мыслить.

оул. Ее надо остановить.

арсон. Эта баба...

оул. Эта женщина...

резидент (*входя*). Доброе утро, господа.

Все встают.

Прошу меня извинить: я задержался. Миссис Хейл надо было поговорить со мной. Прошу садиться. Министр обороны, как вы себя чувствуете сегодня?

арсон. Хорошо, как и следовало ожидать, господин президент.

резидент. А господин министр юстиции?

оул. Отличное сегодня утро, господин президент.

резидент. Мне кажется, я узнал у дверей моего кабинета ваш мешок с клюшками для гольфа.

оул. Я надеялся, сэр, что мне удастся уговорить вас немного поиграть после совещания.

резидент (*со вздохом*). Ах, если бы я мог... Знаете, я сейчас немного помахал одной из ваших клюшек — драйвером. Не удержался.

оул. Мои клюшки — в вашем распоряжении, господин президент.

резидент. А вы не играете в гольф, профессор Суини?

уини. Нет, господин президент.

резидент. Рекомендую попробовать. Это очень успокаивает. Я не спрашиваю о твоём самочувствии, Тим. Ты всегда в одинаковом состоянии.

тайлс. В ужасающем...

резидент. Весьма сочувствую. Мои информаторы сообщили мне, что

ты уже побывал в нашей почтовой экспедиции. Ей-богу, никому рекомендовал бы заходить туда до завтрака. Иной раз мне хочется задержать поступление информации по всем каналам связи — так, как мы задерживаем почту.

Стайлс. Я вижу, вас забавляют мои трудности, господин президент.
Президент. Ничего подобного. Государственный секретарь не смог присоединиться к нам сегодня утром. У него... гм... он занят кое-кими бумагами. Я вижу, министр обороны прихватил свои карты.

Парсон. Да, сэр.

Президент. Тогда давайте взглянем на них.

Парсон *(вешает карты на подставку и берет указку)*. Это Бразилия.

Затемнение.

Картина третья

Поле боя, залитое зловещим зеленым светом. Капитан Вимс, склонившись над лейтенантом Катлером, бинтует ему голову.

Катлер *(стонет)*. С-Б-9-7...

Вимс. Стало легче дышать. Мне кажется, самое страшное позади.

Катлер. Я, должно быть, потерял сознание. Этот СБ-97... Ветер пошел с него на нас.

Вимс. Не понимаю, о чем вы.

Катлер. Кто вы?

Вимс. Капитан Вимс, из медицинской службы.

Катлер. Вы спасли мне жизнь.

Вимс. Мы еще не спасены.

Катлер. Не говорите так — я обязан вам жизнью.

Вимс. Надо уходить отсюда, пока нас не прикончило газом.

Катлер. А это разве газ?

Вимс. Не знаю, но во всяком случае не туман, и все кругом зелено.
Если это не газ, тогда что?

Катлер. Почему же мы не задыхаемся?

Вимс. Может быть, это не удушливый газ?

Катлер. Понятия не имею. Я всегда старался поступать правильно. И пытался защитить от смерти моих солдат. Это же главное! То, что, может, лучше вам оставить меня здесь.

Вимс. Пошли-ка лучше назад.

Катлер. Я ведь заботился только о благополучии моих солдат.
Вы врач?

Вимс. Да.

Катлер. Значит, вы должны думать о благополучии ваших пациентов.
Это самое главное, правда? Это самое главное или не самое главное?

Вимс. Мне бы не хотелось задерживаться здесь ни одной лишней минуты.

Катлер. Сколько вам лет, капитан Вимс?

Вимс. Двадцать семь.

Катлер. А мне двадцать восемь. Вы откуда родом?

Вимс. Из Кливленда.

Катлер. А я из Уайт-Плейнса, штат Нью-Йорк.

Вимс. Лейтенант...

Катлер. Значит, вы доктор, да? Скажите, почему все получается именно так, как надо?

Вимс. Перестаньте лучше думать об этом.

Катлер. А что вы записываете?

Вимс. Да так, делаю заметки.

Катлер. Какое ваше любимое число?
 Вимс. Двадцать семь.
 Катлер. А мое двадцать восемь. А любимый цвет?
 Вимс. Белый.
 Катлер. И у меня белый. Вы женаты?
 Вимс. Давайте лучше двигаться.
 Катлер. Вы женаты?
 Вимс. Да.
 Катлер. И дети есть?
 Вимс. Двое. Мальчик и девочка.
 Катлер. А сколько им лет?
 Вимс. Мальчику — пять, а девочке — три.
 Катлер. Пять и три. Восемь. А вам двадцать семь. Двадцать семь и восемь — тридцать пять. Это хорошо. А сколько лет вашей жене?
 Вимс. Двадцать один.
 Катлер. Вот все и испортили. Нет, лучше поменьше разговаривать с незнакомыми людьми. Давайте двигаться.
 Вимс. Давайте лучше поговорим.
 Катлер. Пошли назад. Ноге моей стало немного лучше.
 Вимс. Какой ноге?
 Катлер. Моей раненой ноге.
 Вимс. Той, что лежит вон там?
 Катлер. Нога... *(Ощупывает себя.)* У меня нет ноги!..
 Вимс. Вы стонали. Я пытался обыскать вас. Наступил на нее. Она сразу и отвалилась.
 Катлер. Так мне и надо. Но мне не больно. Вы могли бы помочь мне встать на ноги — на ногу, капитан?

Вимс помогает ему. Они с трудом делают несколько шагов.

А вы уверены, что вы доктор?

Вимс. А кто вам наложил повязку на голову, разве не я?

Затемнение.

Картина четвертая

Кабинет президента.

Парсон *(у карты)*. Это Мато-Гроссо, где в настоящее время идут бои. Они идут в основном на пяти направлениях. *(Показывает.)* На севере, северо-востоке, северо-западе, западе и юго-востоке.

Президент. Короче говоря, везде.

Парсон. Они крепкие парни, эти карлики, с которыми мы деремся, господин президент.

Президент. И нас выбивают с Мато-Гроссо, мистер Парсон?

Парсон. Мы несем потери более тяжелые, чем предполагалось, сэр, но мы не уходим. Мато-Гроссо будет за нами — гут никаких сомнений. Но есть просчеты, и операция «Тотальная победа» — один из них. *(Разворачивает новую карту.)* Целью операции «Тотальная победа» была ликвидация угрозы наращивания сил противником для ответа на наше последнее наступление. Необходимо было нанести ряд воздушных и артиллерийских ударов, за которым должно было последовать наше массированное продвижение по всей линии фронта на юго-востоке. Вот здесь — от А до К.

Президент. Кто отвечал за операцию «Тотальная победа»?

Парсон. Покойный полковник Фрэнк Доун из двести девяносто девятой дивизии. Семнадцатого сентября...

Президент. Два дня тому назад.

Парсон. Да, сэр. В шестнадцать ноль-ноль на передовую выехал начальник штаба армии генерал Морис Пратт. Во время его инспекционной поездки противник неожиданно контратаковал наши части, им пришлось отойти на эти позиции (*показывает по карте*), вот — А, В, С, D, E, F и G — для выравнивания линии фронта. Наши войска в двадцать один ноль-ноль силами двести девяностой, двести девяносто седьмой и двести девяносто девятой дивизий немедленно перешли в контрнаступление, в результате чего мы отбили у врага наши позиции вот здесь — пункты А, С, E и G, но тут, в пунктах В, D и F продвижение наших войск было приостановлено из-за сильного артиллерийского огня противника, который обстреливал наши части из девяток и десятков (*переходя к новой карте*), расположенных вот здесь, в этих пунктах. Все наши последующие попытки, включая двенадцать ударов с воздуха, не привели к чему — противника выбить не удалось. В двадцать три тридцать вражеские позиции в пунктах P, Q, R и S был пущен нервный газ СБ-97. Снарядами с газом СБ-97 стреляли из наших орудий в А-С-1, E-1 и здесь, в G-1. Однако результаты газовой атаки были сорваны внезапным изменением направления ветра, как это и указано на карте волнистыми линиями. Согласно полученным сообщениям газом заражены районы А-1, С-1, E-1 и, весьма вероятно, G-1. У нас нет сейчас прямой связи с G-1, и ситуация там пока не ясна. Такая обстановка на сегодняшний день.

Президент. Значит, по сути дела, наши солдаты стреляли снарядами с СБ-97 по своим!

Парсон. Стреляли по врагу, сэр, и все было бы хорошо, но подвели метеорология.

Президент. Сколько жертв?

Парсон. От СБ-97?

Президент (*нетерпеливо*). Да, да.

Парсон. Семьсот пятьдесят.

Президент. А сколько парализовано?

Парсон. На данный момент — около девяноста человек. Может быть больше. Район еще не прошел дегазацию.

Суйни. Я бы не считал эти цифры окончательными, господин президент. СБ-97 вызывает некоторые прогрессирующие побочные явления, подлинные размеры которых пока еще не известны.

Президент. В каком состоянии генерал Пратт?

Парсон. Он потерял зрение — неизвестно, временно или навсегда; у него парализована вся левая сторона — неизвестно, временно или навсегда, и уж точно на всю жизнь повреждена гортань.

Президент. Он сейчас здесь?

Парсон. Да, сэр.

Президент. А мы можем как-то общаться с ним?

Парсон. Да, сэр. Он говорит через усилитель.

Президент. Попросите его, пожалуйста.

Парсон выходит и возвращается вместе с генералом Праттом. Пратт в полной форме, идет очень прямо, на глазах — черные очки, в руках — палка, на лице — следы ожогов.

Как вы себя чувствуете, генерал Пратт?

Пратт (*говорит низким, гортанным голосом, через микрофон*). Никогда не чувствовал себя лучше, сэр.

Президент. Вы отлично справляетесь.

Пратт. Я старый ночной охотник, господин президент.

Президент. Разрешите мне выразить надежду от лица всех членов правительства на ваше скорейшее выздоровление и возвращение в строй.

ратт. Я старый боевой конь, господин президент.

резидент. Генерал Пратт, вы не могли не заметить при вашем зорком глазе... гм... так что же вы можете рассказать нам об этой неприятнейшей истории?

ратт. Полковник Доун, отвечающий за выполнение операции «Тотальная победа», получил в моем присутствии рекомендацию от своего офицера разведывательной службы лейтенанта Катлера приступить к дисперсии токсического химического препарата СБ-97. Полковник Доун согласился с этой рекомендацией и немедленно отдал приказ, разрешающий применение СБ-97.

резидент. Мне казалось, что такое разрешение может дать только генерал, не ниже.

ратт. Совершенно верно, сэр. Полковник Доун имел право дать разрешение под кодовым названием «РСК», однако в пылу битвы он по вполне понятным причинам спутал РСК с КСР.

резидент *(со вздохом)*. А вы имеете право на КСР, генерал Пратт?

ратт. Так точно, сэр. Когда я понял, какие последствия может иметь дисперсия СБ-97, я попытался отменить приказ полковника Доуна. Но опоздал. К тому времени, когда я прибыл к ним в штаб, полковник Доун и его люди были уже мертвы.

резидент. А почему вы не погибли от газа?

ратт. Я прибыл в штаб через семь-десять минут после дисперсии.

уини. Генерал Пратт?

ратт. Да, сэр.

уини. На основании ваших наблюдений на поле боя могли бы вы дать заключение об эффективности СБ-97?

ратт. Я считаю, что эффективность его резко снижается через шесть минут. Пример: эффективность газа в момент поражения полковника Доуна и его солдат была близка к предельной. А когда я подвергся его действию, он сработал уже только на пятьдесят процентов. Я потерял зрение, получил паралич левой стороны тела, ожоги лица второй степени и повреждение голосовых связок.

уини. Мне кажется, эффективность газа была больше пятидесяти процентов, генерал Пратт, и в этой связи описанные вами побочные явления исключительно важны для нас, если думать о применении газа в целях умиротворения...

ратт. Полностью с вами согласен.

уини. Ваша информация представляет для нас исключительную ценность. Еще один вопрос. Как вы полагаете, если бы ветер не изменился столь внезапно, СБ-97 оправдал бы себя?

ратт. Несомненно. Если мы придадим нашим частям электронные ветронаправляющие устройства, я бы включил СБ-97 в число эффективных средств нашего мирного арсенала.

арсон. Значит, по-вашему, полковник Доун не совершил ошибки, отдав приказ о применении СБ-97?

ратт. Если не считать процедурной погрешности в вопросе о разрешении, полковник Доун, по-моему, принял правильное решение — на тот момент, когда он его принял. Пять минут спустя такое решение было бы уже неоправданным.

арсон. Значит, вы удовлетворены его действиями?

ратт. Да, сэр. Согласно данным аэрофотосъемки и разведки, потери врага в двадцать пять раз выше наших.

уини. Мне бы очень хотелось взглянуть на эти материалы.

ратт. Они засекречены под грифом «Космос».

арсон. Я договарюсь, чтобы их тебе показали.

уини. Благодарю.

арсон. Только на это потребуется несколько дней.

П р а т т. Точнее: десять.
Су и н и. Я не могу ждать десять дней.
П р а т т. Весьма сожалею, профессор Суини, но на допуск к «Космос» требуется десять дней.
П р е з и д е н т. Я, конечно, понимаю, что научно-исследовательские аспекты этой катастрофы исключительно интересны, но я не ученик Я президент Соединенных Штатов, и через шесть недель предстоят новые выборы. Может кто-нибудь подсказать, как мне объяснить американскому народу смерть семисот пятидесяти американских солдат, убитых американским же газом?
П а р с о н. Думается, господин президент, вы найдете что сказать, если сопоставите потери обеих сторон...
П р а т т. Это вполне допустимые потери...
П р е з и д е н т. Но потери незаконные. Господин министр юстиции?
К о у л. Так вот. Дело в том, что все химическое и бактериологическое оружие запрещено последней Женевской конвенцией...
Су и н и (*прерывая его*). Мы ее не подписывали, мы ее не подписывали...
К о у л. Тем не менее мы выразили наше принципиальное одобрение...
Су и н и. Извините, но Конвенцию мы все-таки не подписывали.
П р е з и д е н т. Вы что же, считаете, профессор Суини, что смерть этих людей по закону не является преступлением?
Су и н и. Господи, конечно, не является. Это же проходит по графе «Исследования и развитие». Почему мы всегда должны связывать себя руками?
К о у л. Возможно, это и не нарушение буквы закона, но, безусловно, нарушение духа закона.
П р е з и д е н т. Только чтобы не было пренебрежения к праву — тут и там должны быть абсолютно чисты.
П а р с о н. К какому? Международному? А вам не кажется, что мы становимся уж слишком законниками?
С т а й л с. А вы что же, хотите, чтобы нас обвинили в том, что мы соблюдаем законы у себя дома и нарушаем их за рубежом?
К о у л. Нет, это вовсе ни к чему, особенно сейчас.
С т а й л с. Мы можем предстать в весьма невыгодном свете.
Су и н и. Только потому, что народ не знает о колоссальных возможностях нашего потенциала по сохранению мира...
С т а й л с. Вы имеете в виду нервный газ?
П р а т т. Американский народ поддержит своих командиров.
П р е з и д е н т. Целиком с вами согласен, генерал Пратт. Если только народ будет правильно информирован о том, что произошло в Бразилии.
К о у л. А люди понятия ни о чем не имеют.
П а р с о н. Это слишком сложный вопрос для публичных дебатов.
П р е з и д е н т. Я склонен согласиться с министром обороны. Но рано или поздно что-то безусловно просочится. Поэтому надо, чтобы сведения эти исходили от нас и чтобы у нас было готово объяснение. А это не так просто, поскольку народ думает, что мы прекратили производство ядовитых газов.
П а р с о н. Мы действительно прекратили производство, сэр.
Су и н и. Но не исследования.
П р е з и д е н т. А исследования, значит, продолжаются?
Су и н и. Исследования никогда не прекращаются.
П р е з и д е н т. В таком случае отправка газа в Бразилию была обнаружена исследовательскими целями?
Су и н и. Совершенно верно, сэр.
П р е з и д е н т. Кто распорядился об отправке?

Все молчат.

Суини. Не я, сэр.

Президент. Министр обороны?

Парсон. В министерстве идет сейчас расследование этого вопроса, сэр.

Президент. Значит, вы не знаете, кто отправил газ в Бразилию?

Парсон. Я знаю, что не я.

Пратт. И не я.

Президент. Нужны факты. Нужно найти способ защитить себя. Генерал Пратт, у вас нет никаких предположений о том, кто мог отдать приказ об отправке газа?

Долгая пауза.

Вы хоть что-нибудь знаете?

Пратт. Ничего.

Президент (со вздохом). Ну, так что же мы будем делать, как выпутаемся из этого положения?

Долгая пауза. Президент вопрошающе оглядывает всех присутствующих.

Парсон. Когда дело касается безопасности страны...

Коул. Мы имеем право скрыть некоторые факты...

Суини. СБ-97 — это в общем-то гуманное средство...

Стайлс. Мы могли бы сказать, что это *они* применили газ против нас.

Коул. Бразильцы? Никто этому не поверит.

Стайлс. Почему? Им его поставили русские.

Коул качает головой.

Китайцы?

Президент. Тим, прошу тебя, не умножай число внешнеполитических осложнений.

Стайлс. Русские сразу все поймут. Они знают американскую политику.

Коул. Я не вижу способа скрыть то, что это мы перебросили туда газ.

Парсон. Если мы признаем это, мы пропали.

Коул. Не обязательно. Мы можем сообщить, что по данным разведки нам стало известно, что бразильцы должны были получить нервный газ.

Стайлс. А я о чем говорил?

Коул. Я еще не кончил. Мы не могли рисковать жизнью своих солдат и не обратить внимания на эти данные. Поэтому исключительно в превентивных целях, чтобы *они* не применили газ против нас, мы и распорядились об отправке СБ-97 в Бразилию.

Пратт. Это вполне возможный вариант.

Парсон. Мне это нравится. Разведка донесла...

Коул. И, кроме того, были захвачены вражеские документы.

Стайлс. Ну, а потом что? Они применили газ, а мы ответили или как?

Пратт. Полковник Доун отдал приказ.

Стайлс. Он же умер, не так ли? Мы не можем взвалить вину на человека, которого нет в живых.

Коул. Я склоняюсь к нечаянной ошибке... несчастному случаю.

Парсон. Всякий раз, когда мы сообщаем о несчастных случаях, военные выглядят круглыми идиотами.

Коул. Никто ни в чем вас не обвинит. Просто произошла утечка газа — и все.

Суини. У нас не бывает утечек!

Коул. Ну, если не утечка, так что-то вроде того.

Стайлс. Стихийное бедствие.

Парсон. Может, удар молнии?

Пратт. Сезон дождей и гроз закончился пять месяцев назад.

Парсон. Может, в одну из цистерн с газом попал вражеский снаряд
Пратт. Вполне возможный вариант.

Суини. А как могли цистерны с СБ-97 попасть на передовую?

Парсон. Ну, ладно, скажем, что это был шальной вражеский снаряд.

Пратт. Партизанский отряд мог проникнуть в наше расположение. То
кое случается.

Коул. Отлично, генерал Пратт.

Парсон. Великолепно, генерал Пратт. Отряд диверсантов-смертников
Мы не знаем, знали ли они, что было в цистернах. Они их взорвали
или...

Коул. Это мог быть и несчастный случай, и преднамеренное действие.

Парсон. Мы не знаем. И никто никогда не узнает.

Стайлс. Вот именно. Черт возьми, как раз то, что нужно!

Суини. Пожалуй, самое простое объяснение.

Президент. Ну, а теперь, когда мы знаем, как все произошло, давайте
решим, как мы это обнародуем!

Затемнение.

Картина пятая

Поле боя, залитое зловещим синим светом. Катлер и Вимс идут
шатаясь.

Катлер. У меня какое-то странное ощущение в лице.

Вимс. И у меня тоже.

Катлер. Оно стало мягким, как тесто. А дышать стало легко, очень
легко.

Вимс. И мне тоже.

Катлер. Видно, газ прочистил мне носоглотку. Учтите, капитан: все
что с нами происходит,— строго секретно. Надеюсь, вы это знаете.

Вимс. Но между собой-то мы ведь можем говорить об этом.

Катлер. А здесь никого нет?

Вимс. Я не могу оглянуться.

Катлер. И я тоже. Но там, где у меня нет ноги, я здорово себя чув
ствую.

Вимс. Я тоже отлично себя чувствую — как никогда. Давайте передох
нем. *(Он помогает Катлеру опуститься на землю. Закуривает.)*

Катлер. Чего бы я только сейчас не дал за сигарету!

Вимс. Это у меня последняя. *(Продолжает курить.)*

Катлер. Все, что я говорю вам,— все секретно.

Вимс. Абсолютно.

Катлер. Я просто должен об этом кому-то рассказать — к тому же вы
доктор.

Вимс. Все останется в тайне.

Катлер. А что вы все время пишете?

Вимс. Я ничего не пишу.

Катлер. А зачем вы держите руку в кармане?

Вимс вынимает руку из кармана.

Вы, наверно, думаете, что я сумасшедший.

Вимс. Вы находитесь в состоянии крайнего нервного напряжения. А я
знаю лишь один способ разрядить его. Надо выговориться.

Катлер. А откуда я знаю, что вы тот, за кого себя выдаете?

Вимс. Что вас так волнует, лейтенант?

Катлер. Может, вы хотите поймать меня!

Вимс. Зачем?

Катлер. Кто-то же должен нести ответственность за применение газа
Может, вы из ЦРУ!

Вимс усмехается.

Может, вас послали разыскать меня и притащить в трибунал. (*Вынимает пистолет.*) Я не пойду с вами.

Вимс. Я вас здесь не оставлю.

Катлер. Ты из ЦРУ.

Вимс. Я врач. А вы — мой пациент.

Катлер. Может, ты — даго.

Вимс. Я американский врач.

Катлер. Откуда я знаю? Твоя форма вся в клочьях.

Вимс. Это от газа.

Катлер. Я ничего не знаю про газ. Ради всего святого, оставьте меня в покое.

Вимс. Ты лучше расскажи мне обо всем, сынок.

Катлер. А ты действительно не даго?

Вимс. Я американец.

Катлер. И ты не из ЦРУ?

Вимс. Я американец.

Катлер. И ты действительно лояльный человек?

Вимс. *Я врач.*

Катлер. И ты не будешь записывать то, что я тебе расскажу?

Вимс (*отворачиваясь*). Ладно. Забудем об этом.

Катлер. Подожди! Газ...

Вимс (*снова поворачиваясь к нему*). Какой газ?

Катлер (*отвернувшись*). СБ-97...

Вимс вынимает из кармана маленький магнитофон и протягивает микрофон в сторону Катлера.

Газ — это была моя идея...

Затемнение.

Картина шестая

Кабинет президента.

Стайлс. Кому мы можем сделать такое сообщение?

Парсон. Большинство представителей прессы в Вашингтоне будет на нашей стороне.

Стайлс. Это не должно исходить из Вашингтона.

Коул. Правильно. Лучше всего дать сообщение с места. Мне кажется, если нам удастся снять акцент с газа и перенести его на чрезвычайно опасный характер этих вражеских отрядов смертников...

Парсон. Совершенно верно. А для иллюстрации — сообщить о том, что получилось у нас с газом... В свое время мы неплохо поработали с этими ребятами, и я не сомневаюсь в том, что они посмотрят на вещи нашими глазами.

Президент. Прошу министра обороны составить список журналистов и дать мне.

Парсон. Будет исполнено, сэр.

Президент. Четверти часа вам хватит?

Парсон. Вполне.

Президент. Тим, нам, может быть, придется подкрепить эту историю и сообщением из Вашингтона. Причем авторами должны быть люди, которым мы доверяем.

Стайлс. Составить список?

Президент (*устало*). Да. Все подумайте и составьте список.

Парсон, Стайлс и Коул встают.

А вы, профессор Суини, напишите в общих чертах про СБ-97: когда он был открыт, что собой представляет, какими обладает свойствами, полезными для человечества и т. д.

Суини кивает головой.

Через пятнадцать минут. *(Тяжело вздыхает.)*

Суини встает.

Генерал Пратт... гм... генерал Пратт, мне кажется, в вашей версии есть некоторые несоответствия. Мне бы хотелось, чтобы вы еще раз мысленно проверили ее — с начала и до конца. Посмотрите, что вас получается. Хорошо?

Пратт. Слушаюсь, сэр.

Президент *(показывая на дверь слева)*. Можете воспользоваться этим кабинетом. Мистер Стайлс проводит вас.

Стайлс помогает генералу пройти в другое помещение, затем возвращается.

Ну, что же мы с ним будем делать?

Стайлс. Его нельзя показывать газетчикам.

Коул. Его можно было бы упрятать в госпиталь.

Суини. Он может подать в отставку по болезни.

Стайлс. Он не может подать в отставку.

Парсон. Это произведет плохое впечатление.

Коул. Надо его продвинуть по службе.

Парсон. Чтоб очистить воздух.

Коул. Может быть, устроить прием в Белом доме в его честь?

Стайлс. Отлично! Дадим ему медаль.

Парсон. У него уже есть все существующие медали.

Стайлс. Дадим ему грамоту, подписанную президентом.

Коул. И новую должность...

Парсон. Но нельзя же просто повесить его — надо дать ему место.

Стайлс. Куда же мы его пристроим?

Парсон. В Вест-Пойнтскую академию?

Коул. Нет, нельзя отсылать его так далеко.

Парсон. Сделать его ответственным за набор в армию?

Президент. Я уже не раз подумывал о том, чтобы создать специальное управление при президенте по проблемам внутренней экономики в двухтысячном году. И собирался назначить туда начальником государственного секретаря. А что если назначить вместо него генерала Пратта?

Общее одобрение. Президент встает.

Встают и остальные.

Господа, не буду больше вас задерживать — займитесь составлением ваших списков.

Все выходят через дверь справа.

(Президент устало падает в кресло. Через некоторое время тихонько вскрикивает.) Господи, боже мой! *(Нажимает кнопку селектора.)* Можешь войти, Эвелин.

Откидывается на спинку кресла и ждет. В дверях за спиной президента появляется миссис Хейл.

Эвелин, я расскажу тебе сейчас о том, что произошло, но ты должна обещать мне хранить все в строжайшей тайне. Я не хочу, чтобы эта информация распространялась дальше и дошла до кого-нибудь из твоих нежно любимых защитников мира. Ты обещаешь?

Миссис Хейл. Значит, ты можешь ее распространять, а я не могу?

Президент. Но я же президент.

Миссис Хейл. Тогда не поверяй ее мне.

Президент. Если я буду таить все от тебя, ты превратишь нашу жизнь в ад. А кроме того, ты — как хороший барометр: предсказываешь реакцию определенной части нашего населения.

Иссис Хейл. Какой части?

Президент. Той, которая живет еще в девятнадцатом веке. Ну, тех, кто считает наши проблемы разрешимыми.

Иссис Хейл. Почему ты все время иронизируешь, когда я что-нибудь говорю? Не потому ли, что в глубине души сознаешь, что права я, а не ты?

Президент. Тебя, во всяком случае, такое объяснение вполне бы устроило. А мне бы хотелось, чтобы ты с большим пониманием относилась к тяготам моего поста.

Иссис Хейл. Я уже слышать больше не могу о «муках власти». Я ведь еще помню, как ты мучился, когда ее у тебя не было.

Президент. Вечно ты издеваешься надо мной.

Иссис Хейл. А ты никогда меня не слушаешь.

Президент. Большинство Вашингтона считает, что я слишком много тебя слушаю.

Иссис Хейл. Вашингтона!

Президент. Почему ты так ненавидишь Вашингтон? Потому что я — первый гражданин этого города?

Иссис Хейл. Я ненавижу его потому, что он ненастоящий. И перестань жалеть себя.

Президент. А я тоже ненастоящий?

Иссис Хейл. Ты просто не существуешь. Здесь никто не существует. Именно это больше всего и пугает меня в Вашингтоне. Все эти несуществующие люди, которые ведут войну.

Президент. Ты сердисься на меня за то, что я не сделал тебя государственным секретарем.

Иссис Хейл. Я нужна тебе лишь как объект для шуток.

Президент. Ты для меня... я разговариваю с тобой на расстоянии вытянутой руки. Последнее время я просто не решаюсь подойти к тебе ближе.

Иссис Хейл. Но как же я могу молчать, если знаю, что ты не прав?

Президент (*саркастически*). На большее я, видимо, не могу и рассчитывать. Но я все же могу рассчитывать на то, что ты будешь соблюдать правила игры! Здесь мы можем выяснять наши точки зрения и спорить сколько угодно. А там мы должны выступать единым фронтом.

Иссис Хейл. Что произошло в Бразилии?

Президент. Будешь соблюдать правила игры?

Она молчит.

Иссис Хейл. Сначала скажи мне, что произошло в Бразилии.

Президент (*внезапно деловым тоном*). Из последних донесений разведки и захваченных вражеских документов нам стало известно, что китайцы поставляют или собираются поставить бразильцам определенное количество смертоносного нервного газа. Мы предупредили бразильцев, что в превентивном порядке направляем в нашу действующую армию нервный газ СБ-97, который будет применен нами лишь в том случае, если противник предпримет газовую атаку против наших войск. Таким образом, противник это знал. Мы его предупредили. Два дня назад группа вражеских диверсантов ночью проникла в наше расположение, где хранился СБ-97. И вражеская граната попала в одну из цистерн. Нервный газ вытек. В результате погибло семьсот пятьдесят наших ребят. Девяносто парализовано. Мы оба знаем, как всю эту историю можно исказить и извратить, и сегодняшнее совещание было созвано с тем, чтобы решить, можно ли за шесть недель до выборов предать гласности такой факт.

Миссис Хейл. И что же вы решили?
Президент. Мы единогласно решили, что американский народ должен знать правду.
Миссис Хейл. В том виде, как ты мне ее рассказал?
Президент. Да. Она будет обнародована через надежные источники. Никаких извращений. Ну?
Миссис Хейл. Что «ну»?
Президент. Что ты по этому поводу думаешь?
Миссис Хейл. Я думаю, что мне надо подавать на развод.
Президент. О, господи! Эвелин, это же неприлично!
Миссис Хейл. Ты обманываешь меня так же, как обманываешь всю страну. И я не желаю больше глотать эту ложь! Я твоя жена, а не твой избиратель. Я требую развода!
Президент. Ты доведешь меня до того, что я забуду, кто ты.
Миссис Хейл. Какая самоуверенность! Но это тебе с рук не сойдет. Даже те, кто агитирует за тебя, знают, что мы проигрываем эту войну! Ну, скажи: зачем бразильцам, одерживающим победу над нами, ввозить на свою территорию смертоносный газ?
Президент. Никто и не говорит, что они его ввозят. Ты настолько влюблена в себя, что уже не слушаешь никого, кроме своих пикиров. Я сказал, что по неподтвержденным сведениям разведки...
Миссис Хейл. А захваченные вражеские документы?!
Президент. Не понимаю, чем тебя не устраивают захваченные вражеские документы?
Миссис Хейл. А тем, что они были захвачены лишь после того, как мы сами их сфабриковали! Ты никогда не сможешь объяснить, как туда попал газ, если не признаешь, что мы собирались его применить. В экспериментальных целях. Видимо, так оно и случилось. И твой эксперимент обратился против вас же самих.
Президент. Это не был мой эксперимент!
Миссис Хейл. Значит, это был эксперимент Суини.
Президент. Другие мужья пользуются поддержкой своих жен. Почему я такой несчастный?
Миссис Хейл. Я всегда разделяла твои идеалы.
Президент. Но мои идеалы не изменились.
Миссис Хейл. Тогда откуда же взялась эта ложь?
Президент. Но мы же находимся в состоянии войны!
Миссис Хейл. Я не говорю о том, что ты лжешь бразильцам, я говорю о том, что ты лжешь американцам. Ты же возглавляешь правительство Соединенных Штатов, а не рекламное агентство!
Президент. Ты, видимо, понятия не имеешь о происходящих в мире процессах! Послушать тебя, так мы все не что иное, как шайка заговорщиков.
Миссис Хейл. А разве нет? Вы разговариваете только друг с другом, получаете сведения от людей, которым вы платите, обсуждаете дела только с людьми вашего узкого круга, считаете их догадки непреложной истиной и покрываете их ошибки, потому что только вы и ваши приспешники имеют понятие о происходящих в мире процессах. Так вот: я не желаю в этом участвовать! Я не желаю стоять с вами в сговоре!
Президент. Но ты же согласилась соблюдать правила игры.
Миссис Хейл. Еще одна ложь!
Президент. Всего пять минут назад согласилась.
Миссис Хейл. Ты просто невозможен! Ты веришь во все, во что тебе хочется верить!
Президент (*вставая, очень холодно*). Эвелин, меня ждут дела.

Миссис Хейл. Меня тоже! *(Берет трубку телефона.)*
Президент. Положи трубку!

Она молчит.

Положи трубку!

Она не отвечает.

Это мой телефон!

Миссис Хейл. Соедините меня с редакцией «Нью-Йорк таймс».

Затемнение.

Картина седьмая

Поле боя, залитое зловещим багровым светом. Катлер сидит спиной к Вимсу, который держит микрофон.

Катлер. Первым делом надо научиться выполнять приказы. Потом надо научиться исправно выглядеть. Все твои товарищи исправно выглядят. И тебе не хочется в их глазах выглядеть иначе. С этого начинается твоя жизнь в армии. А потом все уже идет автоматически. Как езда на велосипеде. Уже после ты узнаешь, сколько надо убить врагов, прежде чем тебя убьют самого. Если ты убьешь одного, то едва ли сможешь назвать себя человеком. Если прихватишь с собой на тот свет двоих или пятерых, ты уже человек, хоть и средненький. Если ты угробишь от пяти до десяти — неплохой малый. Ну, а если больше десяти — скажем, восемнадцать, девятнадцать, то совсем молодец. Если же больше двадцати, тогда полный блеск. Больше двадцати. Полный блеск. Я знал многих на этой войне, кто был молодцом. А вот тех, про кого можно сказать «полный блеск», на пальцах одной руки пересчитаешь. *(Пытается считать на пальцах.)* Пальцы не загибаются.

Вимс. Что такое?

Катлер *(протягивает окостеневшую руку)*. Пальцы не загибаются.

Вимс прячет микрофон.

Вимс. Дай-ка я посмотрю. *(Начинает массировать пальцы Катлера.)*

Катлер. Ты, наверно, считаешь меня дерьмом — до того дойти, чтоб грозить тебе пистолетом. А ты знаешь, сколько раз я был ранен в бою? Шесть раз. А сейчас вот — в седьмой: лишился ноги.

Вимс. Извини, пожалуйста.

Катлер. За что?

Вимс. Да я тебе три пальца отломил.

Катлер. Ты же хотел сделать как лучше. Лишился пальцев — это же восьмое ранение.

Вимс. А тебе не больно?

Катлер. Больно, но не там.

Вимс. А где больно?

Катлер. Больно сознавать, что я ухожу из жизни не в полном блеске. И даже не молодцом. И даже неплохим малым меня не назовешь. Ведь все эти ребята, которых я отправил на тот свет, были мои товарищи. А ты хочешь, чтобы меня взволновали какие-то три пальца.

Вимс. Ты настоящий человек, лейтенант.

Катлер. Я не человек.

Вимс. Нет, человек. А вот я — не человек.

Катлер. Да я в подметки тебе не гожусь. Ты же пришел сюда, чтоб спасти меня.

Вимс. Я пришел сюда, чтоб отдать тебя под трибунал. Я не человек. Я сотрудник ЦРУ.

Катлер. Ты врач.

Вимс. Я не врач. Из-за меня ты потерял ногу и три пальца.

Катлер. Ты выполнял свои обязанности.

Вимс. В мои обязанности входило выудить у тебя признание и притиснуть в трибунал.

Катлер. Но ты же выполнял свой долг, не так ли? А для меня это есть быть человеком.

Вимс. Я не человек. Я — дерьмо.

Катлер. Дерьмо — тоже часть человека. Значит, все в порядке.

Вимс. И тебе не хочется пристрелить меня?

Катлер *(протягивает искаленную руку)*. Чем?

Вимс. Я сейчас сожгу мои записи. *(Вытаскивает бумажки из кармана и поджигает их зажигалкой.)*

Катлер вырывает бумажки из рук Вимса и сбивает пламя.

Не надо! *(Пытается встать, но не может.)*

Катлер отползает от него.

Я не могу встать.

Катлер. Я сейчас подпишу эти записи.

Вимс. Не делай этого!

Катлер с трудом подписывает записи изуродованной рукой; Вимс пытается подползти к нему.

Катлер. Черт! Никто не поверит, что это моя подпись.

Вимс. Я разобью этот проклятый магнитофон! *(Разбивает его.)*

Катлер. К чему? У меня ведь остались записи.

Вимс. Ты не парень, а блеск, и если кто-то посмеет возразить против этого, ему придется иметь дело со мной.

Катлер. То же самое могу сказать и про тебя.

Вимс. Как тебя зовут, Катлер?

Катлер. Джордж. Приятели звали меня Трещотка. А тебя как зовут?

Вимс. Ричард. Мои приятели звали меня Тихоня.

Медленно ползут друг к другу, протягивая руки. Освещается кабинет президента. Президент и миссис Хейл в тех же позах, что и в последней сцене.

Миссис Хейл *(в трубку)*. Соедините меня с редакцией «Нью-Йорк таймс».

Президент поворачивается и с надменным видом выходит через дверь позади стола.

Миссис Хейл с ненавистью смотрит ему вслед.

Да, я жду.

Внезапно свет в кабинете президента гаснет. Слышны глухие звуки борьбы. Громкий стон.

Не-ет! *(Стонет.)*

Пауза, во время которой Катлер и Вимс подползают друг к другу и обмениваются рукопожатием. Зажигается свет в кабинете президента. Мы видим миссис Хейл, расprostертую на столе в луже крови. Из груди ее торчит железный стержень с прикрепленным к нему плакатом пикетчиков: «Мы против войн, за любовь к ближнему!».

Катлер. Можешь теперь отпустить мою руку, Тихоня!

Вимс. Ты так считаешь? Но я не могу!

Затемнение в обеих частях сцены.

Действие II

Картина первая

Суини, Коул, Стайлс, Парсон сидят у стола президента. Они напряжены, бледны и беспокойно ерзают на стульях.

Суини (как бы про себя). Невероятно!

Парсон (как бы про себя). Черт знает что!

Коул (как бы про себя). Я не любил ее, но все же...

Стайлс (как бы про себя). Да, плохи дела.

Входит президент. Все встают. Он подходит к столу, но не садится.

Президент. Моя жена... (Прочищает горло). Миссис Хейл скончалась пятнадцать минут тому назад. Не приходя в сознание.

Хор соболезнований, которым президент кладет конец, садясь в кресло.

Прошу вас. (Предлагает всем сесть). Я знаю, как вы относились к ней. Тебе, Суини, она нравилась... я думаю, немного. Всем остальным... Все, что вы говорили за ее спиной, я говорил ей в лицо. Но все мы недооценивали ее. Она была лучшей частью моего «я». Моим моральным центром. Она ушла, и у меня нет больше желания выполнять мою миссию. Я говорю с вами совершенно откровенно. Положа руку на сердце. Однако президент является и главным командующим. Я не могу сидеть сложа руки в Белом доме...

Входит генерал Пратт. Спотыкаясь, подходит к своему креслу и садится.

Так же, как, например, генерал Пратт не может сидеть сложа руки на поле боя. Итак, за дело. Джентльмены, убийца проник в святая святых президента Соединенных Штатов. И если он один раз нанес удар, что помешает ему ударить снова? И снова? Нам всем грозит опасность, пока он не пойман. Чтобы избежать паники в стране, мы задержали сообщение о смерти миссис Хейл до тех пор, пока это преступление не будет раскрыто и мы не подготовим соответствующее объявление для американского народа. Однако кое-что все равно станет известно. У нас есть всего несколько часов. Господин министр юстиции.

Коул. Да, господин президент.

Президент. Принесите, пожалуйста, оружие убийства.

Общее возбуждение. Коул выходит и возвращается с плакатом пикетчиков на металлическом стержне.

Поднимите его так, чтобы всем было видно.

Стайлс (читает). «Мы против войн, за любовь к ближнему!»

Парсон. Негодяи! Простите, господин президент.

Президент. Кто-нибудь из вас, джентльмены, видел этот плакат раньше?

Парсон. Мы видели массу таких плакатов в Пентагоне. Тысячи.

Стайлс. Мы все видели подобные плакаты.

Все подтверждают.

Президент. Что вы можете сказать о плакате, мистер Коул?

Коул. Я приказал снять отпечатки пальцев, господин президент. Обнаружены ясные отпечатки пальцев двух человек.

Стайлс. Что и требовалось доказать!

Президент. Установлено, чьи это отпечатки?

Коул. Да, сэр. (Передает президенту конверт.)

Президент достает бумагу и читает.

Президент. Одни отпечатки принадлежат мистеру Коулу.

Все резко поворачиваются к Коулу.

Другие принадлежат мне.

Все резко поворачиваются к президенту.
Возгласы недоверия.

Мои отпечатки и ваши.

Картина вторая

Поле боя, залитое зловещим оранжевым светом. Катлер и Вимс лежат на земле, держась за руки.

Вимс. Я чувствую какой-то запах.

Катлер. Газа?

Вимс. Нет, по-моему, трупов.

Катлер. Трупы пахнут много хуже. А мне этот запах не мешает.

Вимс (*глубоко вдыхает*). Да, пожалуй, ничего страшного. Мне никогда еще так легко не дышалось. Но я не могу мигать.

Катлер. Откуда ты знаешь?

Вимс. Потому что я не мигаю. А ты можешь мигать?

Катлер. Я стараюсь вообще не закрывать глаз. Иначе что-нибудь пропустишь. И потом — человек ведь знает, что всегда может мигнуть, если захочет.

Вимс. Наверно.

Катлер. Даже если мы этого не сознаем, все равно мы знаем. Знаем душе.

Вимс. Я всегда считал, что могу сделать все, что захочу.

Катлер. Этим мы и сильны.

Вимс. Но я просто не хочу.

Катлер. Это как раз то, что мы называем свободой.

Вимс. Я чувствую себя сейчас таким свободным, как никогда в жизни.

Катлер. Это потому, что ты контролируешь свои поступки. Приятно что-то делать, но не менее приятно и чего-то не делать. Даже еще приятнее.

Вимс. Это когда ты стараешься превратить недостатки — ну то, что другие называют недостатками, — в преимущества.

Катлер. Можно даже быть рабом и быть свободным.

Вимс. Если хочешь им быть.

Катлер. Точно!

Вимс. А мне плевать, что говорят, мне нравится этот запах.

Катлер. Все зависит от того, к чему ты привык.

Вимс. Откуда мы знаем, что группы плохо пахнут? А розы пахнут хорошо? Откуда же тогда розовая лихорадка? Что нам втемяшили башку, то мы и думаем...

Катлер. Не так страшен черт, как его малюют.

Вимс. Ты знаешь, что мы все время держим друг друга за руки?

Катлер. У меня уже ничего не болит.

Вимс. Слушай, Трещотка. Что если вот такая штука, как у нас с тобой — когда руки соединены вместе, — это уже следующая стадия?

Катлер. Стадия чего?

Вимс. Эволюции. Все соединены между собой. Может, то, как мы раньше жили, было противоестественно. А это естественно. Ну, как мы сейчас. Ты и я. А потом кто-нибудь придет — скажем, спасательный отряд, — они дотронутся до наших рук, и уже ничем их не разнимешь. А потом придут даго и увидят отряд, который держится за руки. Думаешь, они станут стрелять? Они не смогут стрелять. Потому что в этом дыхание будущего. И они возьмут нас за руки.

И потом все больше и больше ребят будет подходить — и наших и чужих, и краснокожих и чернокожих... Они увидят эту гирлянду рук. И бросят оружие. И грохнет так, точно разорвалась бомба, — когда все побросают оружие. И они тоже возьмут нас за руки, и не будет больше причины воевать, потому что мы станем единым целым с миллионами спящих рук. И все будут участвовать в хороводе. Никто не останется в стороне.

Пауза. Оба лежат неподвижно.

Катлер (*глубоко вдохнув воздух*). Как клевер в поле.

Вимс. О чем ты думаешь, Трещотка?

Катлер. Хорошо. (*Делает глубокий вдох*). Я чувствую себя на седьмом небе.

Затемнение.

Картина третья

Кабинет президента.

Президент. Вы признаете себя виновным, мистер Коул?

Коул. Нет, сэр.

Президент. Я тоже. Давайте рассмотрим его получше.

Коул передает президенту плакат пикетчиков.

Я всегда полагал, что эти стержни деревянные. А это металл. Сталь.

Суини. Сталь!

Президент. Ну, а вы, министр обороны, что по этому поводу можете сказать? (*Передает плакат Парсону.*)

Парсон. Обыкновенный картонный плакат. На стальном стержне. Закреплен с помощью проволоки. Суини? (*Протягивает плакат Суини.*)

Суини стоит, застыв от ужаса.

Суини. Я не хочу касаться его.

Парсон пожимает плечами и передает плакат Стайлсу.

Стайлс. Как они могли пронести такую большую штуковину в Белый дом?

Президент. Правильный вопрос.

Стайлс передает плакат Пратту.

Пратт. Благодарю вас. (*Ощупывает стержень.*) Ой! Конец весь в зазубринах. Как будто его сломали в этом месте.

Коул (*подходит и берет плакат у Пратта*). Он прав. Здесь что-то было. Тут что-то отломали.

Президент. Итак, мы исследовали орудие убийства и сделали несколько интересных открытий. Опора не деревянная, а стальная. Конец ее зазубрен. Что-то было отломано, и, следовательно, в своем первоначальном виде предмет этот выглядел иначе, чем сейчас. И, наконец, мистер Стайлс поднял интересный вопрос: как можно было пронести столь заметный предмет в Белый дом? Давайте посмотрим, что нам скажут отпечатки пальцев. Мистер Коул?

Коул. Отпечатки были обнаружены вот тут. С обратной стороны.

Суини. С обратной?

Коул. Примерно в трех дюймах от верха. Первые и самые ясные отпечатки принадлежат вам, господин президент. Левая рука — вы-

ше, правая — ниже. И обе руки крепко держат стержень, большими пальцами внутрь, вот так.

Президент (*встает и показывает положение рук*). Что-то в этом роде?

Коул. Большой палец левой руки должен заходить на правую.

Президент. Так?

Коул. Вот теперь правильно.

Президент (*пытается нанести разящий удар сверху вниз*). Довольно неудобное положение, если ты не левша и хочешь поразить кого-нибудь насмерть. А я не левша. Теперь расскажите нам о ваших отпечатках, мистер Коул.

Коул. Мои отпечатки не такие свежие, как ваши. Но положение рук у меня примерно такое же.

Президент. И вы тоже не левша?

Коул. Нет, сэр.

Президент. Значит, вы свободно владеете обеими руками?

Коул. Нет, сэр. Можете проверить в моем личном деле. Но так или иначе ваши отпечатки более свежие, чем мои.

Суини. Это же совершенно невозможно.

Президент. Что невозможно, профессор Суини?

Суини. Нельзя обхватить стержень с обратной стороны плаката, если плакат не снят.

Коул протягивает ему плакат. Суини отшатывается.

Нет уж, вы сами пробуйте. Там же нет места для пальцев.

Коул. Он прав.

Парсон пробует обхватить стержень.

Парсон. Пальцы не проходят. (*Протягивает плакат Стайлсу.*)

Стайлс (*отмахиваясь*). Я вам верю. Но что это доказывает?

Суини. А то, что отпечатки пальцев уже были на стержне до того, как к нему прикрепили плакат.

Прайт. То есть до убийства.

Суини. Вот именно!

Стайлс. Отпечатки можно нанести искусственно.

Президент. Не думаю, чтобы эти отпечатки были нанесены искусственно.

Суини. Но как же они туда попали?

Президент. Внимательно поглядите на стержень, мистер Коул. Он вам ничего не напоминает?

Коул. Нет, сэр.

Президент. Это потому, что вы смотрите на него и видите лишь плакат пикетчиков — не более. А попробуйте мысленно продолжить стержень от надломленного места — как он будет выглядеть?

Коул. Нет, я этого себе представить не могу.

Президент. У кого-нибудь возникли какие-либо ассоциации?

Парсон (*медленно*). Да...

Президент. Что же это?

Парсон пожимает плечами.

Профессор Суини?

Суини. Эта штука вызывает у меня немало ассоциаций. Я пытаюсь в них разобраться.

Президент. Мистер Стайлс?

Стайлс отрицательно качает головой.

Мистер Коул, мне кажется, вы говорили утром, что оставили в приемной клюшки для гольфа. Не можете ли вы пойти туда и принести тяжелую клюшку — драйвер.

Коул (*не двигаясь*). Вы хотите сказать, что это мой драйвер? (*Берет в руки плакат.*) Да, это мой драйвер. (*Смотрит на президента с ужасом.*) О господи! Это моя клюшка! (*Падает в кресло.*) Моя клюшка, мой драйвер...

Парсон. У меня мелькнула такая догадка...

Суини. Ну, конечно! Вы же говорили утром, что не могли удержаться от соблазна, и попрактиковались — помахали этим... этим...

Президент. Драйвером мистера Коула.

Суини. Это так называется? Я ведь не играю в гольф.

Президент. Вы помните, что я говорил вам об этом, мистер Коул?

Коул. Да, сэр. Но моя клюшка... клюшка...

Президент. А вы это помните, министр обороны?

Парсон. Нет, что-то не припоминаю, господин президент.

Президент. А вы, мистер Стайлс?

Стайлс. Конечно, вы это говорили. Я сидел вот тут, на этом же месте.

Президент. Ну, а вас в то время здесь не было, генерал Пратт.

Пратт. Совершенно верно: не было, сэр.

Парсон. Теперь вспоминаю! Помню.

Президент. Ну что ж, за короткое время мы немало выяснили. Мы уже знаем, что орудие убийства — не палка от плаката пикетчиков, а стержень клюшки для гольфа с отломанным концом. Теперь ясно, откуда взялись и отпечатки пальцев. Так, что же мы еще узнали? Мы узнали, что убийца затратил немало усилий, чтобы отпечатки пальцев президента были обнаружены на орудии убийства.

Парсон. Хотел вместо себя подставить другого!

Суини. Но как он мог рассчитывать на успех?

Президент. Рассчитывать на успех он, конечно, не мог. Он только рассчитывал помешать расследованию, возможно, даже сорвать его. Дело в том, что эти отпечатки пальцев свидетельствуют о двух вещах. Они являются признанием.

Суини. Признанием?

Президент. И предупреждением.

Суини.)
Парсон.) Предупреждением?

Президент. Признанием и предупреждением. Убийца признается в том, что знал об отпечатках моих пальцев на клюшке, и одновременно предупреждает меня, что знать он об этом мог лишь в том случае, если сидел в одном из этих кресел, когда я рассказывал мистери Коулу, что держал в руках его клюшку сегодня утром.

Коул. Господин президент!

Президент. Да, мистер Коул?

Коул. Стоит ли продолжать эту линию? Разумно ли это?

Стайлс. Должно быть, есть и другое объяснение всему.

Все начинают говорить сразу.

Президент (*ударяет рукой по столу.*) Вы думаете, я веду эту линию из личных соображений? Ларец Пандоры, вселяющий страх и сомнения, стоит открытый между нами, и мы, все до единого, будем безжалостно втянуты в него.

Коул. Можно мне изложить иную точку зрения?

Президент. Я жажду ее услышать.

Коул. Прежде всего, господин президент, должен сказать, что вы, моему, исключительно умело проводите расследование этого дела.

Одобрительный хор голосов. Президент наклоном головы дает понять, что принимает комплимент как должное.

Убийство миссис Хейл было ошибкой. Это ясно. Кто-то из нас подался панике. Но кто бы это ни был, он, несомненно, думал только об интересах Америки. Его побуждения были неправильны, возможно, даже безумны, но они были порождены любовью к родной стране, любовью, которой не разделяла Первая леди. Убийца верил в единство нашего правительства — *вашего* правительства, которое Первая леди непрестанно пыталась разобщить. Я вовсе не оправдываю зверское убийство вашей супруги, господин президент: я знаю, как она была вам дорога. Но ларец Пандоры, вселяющий страх и сомнения, — если пользоваться вашей системой образов — вы все равно не заколотите, устраивая охоту за ведьмами среди ваших советников. Не обольщайтесь. Это расследование неизбежно превратится в охоту за ведьмами, которая вытащит на свет божий уйму слухов, полуправды, инсинуаций. Если мы пойдем по этому пути, мы сами уничтожим себя, причем так, как и не снилось нашим злейшим врагам.

Президент. Вы предлагаете прекратить расследование?

Коул. Да, сэр. В интересах национальной безопасности.

Президент (*холодно*). Речь идет о моей жене, мистер Коул, а не о каких-то там бразильцах. Поэтому мы продолжим расследование. Мистер Коул, мистер Парсон, мистер Стайлс, профессор Суини, генерал Пратт, кто-либо из вас видел или слышал сегодня утром, до, во время или после нашего совещания, — что-нибудь такое, что на свете последних событий требует выяснения?

Мертвая тишина.

Мистер Коул, где вы находились во время убийства?

Коул. Вы серьезно хотите, чтобы я ответил на этот вопрос?

Президент. Можете проконсультироваться с адвокатом.

Коул (*холодно*). Вы знаете, где я был. Там, где были мы все. В приемной. Составляли список заслуживающих доверия журналистов, которым мы могли бы передать информацию о бразильском отряде смертников.

Президент. И вы все были там?

Все кивают.

И никто ни разу не выходил?

Все отрицательно качают головой.

И ни разу никто не видел, чтобы кто-то вышел?

Все отрицательно качают головой.

Это ставит вас в несколько затруднительное положение, генерал Пратт. Вас ведь не было с ними.

Пратт. Нет, сэр.

Президент. Вы были один.

Пратт. Я слепой, наполовину парализованный человек, господин президент.

Президент. Старый ночной охотник, как вы себя сами назвали.

Пратт. Но меня не было в комнате, когда вы говорили о гольфе.

Президент. Это верно.

Пратт. Кроме того, я не все время был один.

Президент. Не все время?

Пратт. Кто-то открывал дверь.

Президент. Кто?

Пратт. Кто-то открыл дверь и, должно быть, увидел, что комната занята. Во всяком случае, дверь сразу же закрылась.

Президент. Вы имеете представление о том, кто это мог быть?

Пратт. Он пробормотал что-то вроде «извините». Я толком не слышал.
 Президент. Могли бы вы узнать голос, если б снова услышали его?
 Пратт. У меня острый слух.
 Президент. Мистер Коул, прошу вас, произнесите «извините» для генерала Пратта.
 Коул. Извините.
 Пратт. Тот ведь бормотал.
 Коул (*бормочет*). Извините.
 Пратт. Похоже.
 Коул. Я туда не заходил!
 Президент. Все со временем узнается, мистер Коул. Министр обороны, теперь ваш черед.
 Парсон. Извините.
 Пратт. Я не слышу.
 Президент. Прошу вас погромче, министр.
 Парсон. Извините.
 Пратт. Похоже.
 Президент. Профессор Суини, ваша очередь.
 Суини. Извините.
 Президент. Нормальным голосом, профессор Суини.
 Суини. А это мой нормальный голос.
 Президент. Неправда. Вы произнесли это каким-то фальцетом.
 Суини. Я как-то не заметил. Извините.
 Пратт. Это он! Он!
 Суини. Ничего подобного. Я туда не заходил.
 Пратт. Это было ваше «извините»! Готов держать пари.
 Суини. Я и не думал заходить в ту комнату! Я заходил в другую!
 Президент. Вы — что?
 Суини. Заходил позвонить по телефону. Вы просили меня здесь, не сходя с места, составить описание СБ-97. Мне надо было позвонить в управление, чтоб получить кое-какие сведения. Но я не открывал двери в комнату, где сидел генерал Пратт! И я не говорил «извините».
 Пратт. Это он, он!
 Президент. Но вы выходили звонить по телефону?!
 Суини. Всего на одну минуту.
 Президент. Почему же никто из вас не сообщил, что профессор Суини выходил из комнаты звонить по телефону?
 Парсон. Должно быть, я не видел, как он выходил. Я сам звонил по телефону.
 Президент. Из приемной?
 Парсон. Нет, из приемной говорил Стайлс, поэтому я пересек холл и отыскал пустую комнату.
 Президент. Мистер Стайлс?
 Стайлс. Клянусь, я думал, что они все были там. Вы же знаете, что я не умею отвлекаться, когда говорю по телефону.
 Президент. Ну, а где же все это время были вы, мистер Коул? Сидели тихонько в уголке? Может быть, забавлялись своими клюшками для гольфа?
 Коул. Я говорил по телефону.
 Президент. Откуда?
 Коул. Мне пришлось подняться в комнату Линкольна. Стайлс, Суини и Парсон заняли все телефоны внизу.
 Президент. Вы заходили в ту комнату, где был генерал Пратт, чтобы проверить, не свободен ли телефон?
 Коул. Нет. И я не говорил «извините».

П р а т т. Вполне мог быть он.

Президент. Таким образом, все вы, точнее, каждый из вас мог вытаскивать драйвер из мешка с клюшками...

П р а т т. Я знать не знал об этом мешке.

Президент. Все, кроме генерала Пратта.

Суини. Я не играю в гольф. И драйвер не сумею отличить от любой другой клюшки, даже если им меня огреют. Я хочу сказать...

Президент. Все, кроме генерала Пратта и профессора Суини.

Коул. В том случае, если Суини говорит правду, что не играет в гольф.

Суини. Я уверен, что это значит в моем личном деле в министерстве юстиции.

Коул. Не думайте, что я не проверю.

Президент. Не увлекайтесь, мистер Коул.

Коул. Простите, господин президент. Но это и есть проявление взаимного недоверия, о чем я вас предупреждал.

Президент. *Предупреждали меня? Предупреждали президента* Я хочу вам кое-что сказать. Вам всем. Сказать, как я разочарован в вас. Как горько разочарован. Как моя вера в вас — вас всех — теперь подорвана вашим нежеланием мне помочь. Вашей изворотливостью.

П а р с о н. Господин президент. Могу я сказать несколько слов?

Президент, подавив гнев, кивает головой.

Я крайне обеспокоен ходом этого дела. Думаю, что мы идем по неправильному пути. А ведь мы могли бы обратить эту трагедию на благо себе. Слишком часто в прошлом мы были жертвами обстоятельств, и похоже, что так складывается ситуация и теперь. Мы ведем тяжелую войну. Боевой дух наших солдат оставляет желать лучшего. Он падает. И одной из причин его падения является отсутствие поддержки в тылу. Именно на этот фактор и делают ставку наши враги. Они знают, что не могут разбить нас на поле боя, но могут побить нас в нашем собственном доме. А всё потому, что народ наш не понимает, зачем мы ведем войну. Люди смотрят военную хронику по телевизору и воспринимают это как любой другой телеспектакль. Это факт: я читал исследования по этому вопросу. И вот что я хочу сказать: если бы мы могли приблизить войну к нашему народу, обеспечить в тылу поддержку наших боевых действий — это изменило бы все на свете! Следовательно, вопрос стоит так: будем ли мы по-прежнему позволять событиям управлять нами или проявим инициативу и возьмем судьбу в свои руки.

Президент. Извините, но я что-то не понимаю, о чем это вы.

П а р с о н. Моя рекомендация, господин президент, заключается в том, что Первая леди была убита бандой бразильских террористов-смертников.

Затемнение.

Картина четвертая

Поле боя, залитое зловещим желтым светом.

К а т л е р. Хочешь увидеть нечто фантастическое? Можешь чуть приподняться?

В и м с. Пожалуй, могу.

К а т л е р. Посмотри туда. Видишь эти две руки?

В и м с. А как они попали туда?

К а т л е р. Должно быть, откатились.

Вимс. Я не помню, как они от нас отделились, а ты?

Катлер. Это и есть самое главное. Здорово! Как будто это в порядке вещей.

Вимс. Как новая форма жизни.

Катлер. Именно об этом я и думал. Все руки на свете становятся одной рукой.

Вимс. И наши — первые. Посмотри, как они крепко сцепились.

Катлер. Мы им не нужны.

Вимс. Они нужны друг другу.

Катлер. Потому что они — это все равно что мы.

Вимс. А мы — все еще мы?

Катлер. Мы — частица себя. И всегда ею будем.

Вимс. Но главная часть нас...

Катлер. Главная часть? А кто знает, что есть главная часть?

Вимс. Я никогда такого не испытывал — не знаю, право...

Катлер. Чего?

Вимс. Смешно сказать — такой целостности. И в то же время я чувствую, как от меня отделяется нога.

Катлер. Швырни ее туда, где лежит моя.

Вимс. А я не вижу твоей. Я вообще что-то плохо вижу. И мне трудно говорить.

Катлер. Но мне не трудно тебя понимать.

Вимс. Тебе не кажется странным мой голос?

Катлер. Он звучит, как и должен теперь звучать.

Вимс. Я весь распадаюсь на части.

Катлер. Это я и имел в виду.

Затемнение.

Картина пятая

Кабинет президента. Все, как и прежде.

Коул. Ничего из этого не выйдет.

Стайлс. Может быть. Но направление правильное. В конце концов мы сдвинулись с места.

Парсон. А почему не выйдет?

Коул. Не можем же мы валить все, что происходит, на бразильских смертников.

Парсон. В таком случае, может быть, приписать им это и подобрать что-нибудь другое для СБ-97?

Коул. Потому что версия насчет СБ-97 слишком уж притянута за уши.

Суини. Но ведь мы уже приняли решение.

Парсон. Я за то, чтобы его изменить. Бразильские диверсанты важнее нам здесь, если мы хотим, чтобы американский народ поддержал нас в этой войне.

Коул. А почему нельзя обвинить в этом коммунистов? Или какую-нибудь группу защитников мира?

Стайлс. Мне безразлично, кого мы назовем. Но на одном я настаиваю. Мы не можем допустить, чтобы ее убили в Белом доме.

Парсон. Почему?

Стайлс. Потому что до выборов осталось меньше шести недель. Эта история показывает, что мы абсолютно беспомощны.

Коул. Стайлс прав. Надо, чтобы ее убили в другом месте.

Суини. Но где?

Коул. Тим, где у нас больше всего беспорядков?

Стайлс. В больших городах, если судить по данным опросов.

Коул. Значит, мы спокойно можем объявить, что ее убили в Нью-Йорке.

Стайлс. В Нью-Йорке, Чикаго, Сан-Франциско — какая разница?
Коул. Мы можем даже вызвать сочувствие избирателей.
Стайлс. Если делать на это ставку, я бы исключил Нью-Йорк. Лучи Чикаго.
Парсон. В Чикаго много коммунистов. Мы не можем это использовать?
Стайлс. Мне бы очень хотелось помочь тебе в этом высокоблагородном деле, Бифф, но чем больше я об этом думаю, тем меньше вижу возможностей.
Коул. Давайте не будем забывать о плакате пикетчиков.
Суини. «Мы против войн, за любовь к ближнему!»
Коул. Я предпочитаю взвалить это на какую-нибудь группу защитников мира.
Пратт. Или на студентов.
Парсон. А почему не спихнуть это на черномазых?
Стайлс. В Чикаго их полно.
Суини. Почему мы всегда ищем левых злоумышленников? Почему бы на этот раз не выбрать берчистов?
Парсон. Опомнись, Суини! Берчистов?! Берчисты — и «Мы против войн, за любовь к ближнему!»?
Суини. Я просто не понимаю, почему надо всегда искать среди левых. Да и никто не поверит, что они ее убили. Она была против войны, за негров и за студентов.
Стайлс. А он прав. В самом деле, никто этому не поверит.
Парсон. А я думаю, поверят.
Пратт. Вполне можно было сказать, что это негры.
Стайлс. Вы отстали от жизни, генерал. Это исключено.
Коул. Так кто же это сделал?
Суини. А почему она непременно должна быть убита?
Стайлс. Неплохой вопрос, Суини.
Коул. Что же с ней произошло — несчастный случай?
Парсон. Авиационная катастрофа?
Суини. Автомобильная?
Пратт. Несчастный случай на охоте?
Парсон. неизлечимая болезнь?
Пратт. Воспаление легких?
Коул. Это затяжная штука.
Пратт. Рак?
Стайлс. Плохо выглядит.
Коул. И опять-таки требует много времени.
Парсон. Инфаркт!
Суини. Я знаю: пищевое отравление!
Коул. Пищевое отравление...
Парсон. Пищевое отравление...
Стайлс. Мне это нравится!
Пратт. Пищевое отравление в Чикаго. Вполне могло случиться.
Суини (*гордо*). Ну, что скажете, господин президент?
Президент. Что скажу? Что я скажу? Скажу, что вы бесчеловечны. Вы же говорите о моей жене. Вы бы послушали себя! Первая леди. Она же была человеком. Человеком!.. Какой-то сумасшедший до... Один из вас убил — убил живую женщину, и всем это совершенно безразлично. Куда девались ваши человеческие чувства?

Неловкая пауза.

Коул. Извините меня, господин президент, но мне кажется, вы слишком все упрощаете. Я глубоко вам сочувствую...
Парсон. Как и все мы.

Коул. И мы поражаемся удивительному умению, с каким вы вели это расследование — до сих пор.

Ратт. Но мы должны быть реалистами.

Коул. Мы должны быть реалистами. Это вовсе не означает, что у нас нет человеческих чувств и сострадания.

Ратт. У нас есть человеческие чувства.

Коул. Но есть разница между тем, как остро чувствующий человек должен вести себя, будучи на государственном посту, и в личной жизни.

Суини. И мы, люди, находящиеся на государственном посту, несем самое тяжкое бремя.

Арсон. Наша обязанность — защищать национальные интересы.

Суини. Наша обязанность — поступать так, как нужно.

Коул. Наша обязанность — делать так, как лучше.

Ратт. Это не значит, что мы бесчеловечны.

Суини. Во всех своих рекомендациях мы исходим из соображений гуманности.

Арсон. И только враги человечества могут извлечь пользу из наших разногласий.

Суини. Все это очень сложно.

Коул. Мы не можем упрощать.

Ратт. Америка погибнет.

резидент. Мне хотелось бы сразу кое-что уточнить, чтоб потом не было путаницы. Это ваше единодушное мнение — правильно? — что Первая леди умерла не в Белом доме?..

се. Да... да... правильно...

резидент ...что она не была убита...

се. Нет... только не убита... это невозможно...

резидент. ...что она где-то и как-то умерла... умерла от чего-то?..

се. Да, да, да...

резидент. ...в результате несчастного случая?..

се. Очень хорошо!.. Прекрасно!.. Прекрасно!..

резидент. Я приму вашу рекомендацию к сведению. Теперь продолжим наше расследование. Мы продвинулись в нем до определенного места. Мне хотелось бы пойти дальше.

се (не очень дружно). Нет!

резидент. Вы считаете, что обсуждение этого вопроса даже в нашей среде ставит под угрозу национальную безопасность?

се (не очень дружно). Да!

резидент. Слишком много у нас угроз. Придется быть посмелее — вот и все. Так вот: мы подходим к главному вопросу нашего расследования. Вопросу, который был поставлен министром почты и телеграфа. Каким образом столь заметный предмет, как плакат, был пронесен в Белый дом? Ведь это же действительно большой кусок картона. Пронести его под пальто невозможно. Как же один из вас сумел пронести его сюда? Что вы скажете, мистер Коул? Вы уже так много сделали для нашего расследования.

Молчание.

Министр обороны, вы славитесь вниманием к деталям.

Молчание.

Профессор Суини, вы всегда поражаете меня умением объяснять ваши исследования созидательными целями.

Молчание.

Мистер Стайлс, вы самый прагматичный из всех собравшихся в этой комнате прагматиков.

Молчание.

Генерал Пратт, ужели онемел самый боевой герой нашей нации?

Молчание.

Ну, что ж, видимо, придется мне самому заняться этим. Давайте внимательно посмотрим на этот плакат. *(Срывает его со стержня.)* Он слишком велик и в таком виде не войдет ни в один из ваших портфелей. А его не складывали. Конечно, его можно было бы пронести под рубашкой, но тогда кому-то из вас пришлось бы держаться так прямо, что это было бы сразу замечено. Впрочем, вы, генерал Пратт, могли бы его пронести, и это не было бы заметно.

Все смотрят на Пратта.

Однако мундир на вас так плотно пригнан, что картон не мог в помяться. А он не помят. Вы снова вне подозрений, генерал Пратт. Это какая-то мистика. Как же все-таки можно пронести в Белый дом плакат размером восемнадцать на двадцать четыре дюйма — и чтоб никто этого не заметил. Министр обороны, вы не хотите еще раз попытаться счастья?

Молчание.

Вы меня огорчаете, Парсон. Я так надеялся, что вы скажете: «Еще никто бы не заметил, если бы я пронес его среди моих бразильских оперативных карт».

Все, кроме Парсона, медленно встают. Парсон и президент продолжают сидеть, мрачно глядя друг на друга.

Затемнение.

Картина шестая

Поле боя, залитое зловещим красным светом. На земле отдельно друг от друга лежат головы, руки, туловища Катлера и Вимса.

Вимс. Ты меня видишь, Трещотка?

Катлер. Уже нет.

Вимс. Я тоже ничего не вижу. Ты не видел, куда откатилась моя голова?

Катлер. Нет.

Вимс. Надеюсь, что недалеко от моей руки. А то у меня нос чешется.

Катлер. Я ничего не чувствую.

Вимс. Ты думаешь, мы умираем?

Катлер. Я не знаю, что это, но мне хорошо.

Вимс. Вся моя прошлая жизнь проходит у меня перед глазами, а я ничего не узнаю.

Катлер. А ты видишь, как ты был бойскаутом?

Вимс. Да.

Катлер. А футбол там есть?

Вимс. Да.

Катлер. А воскресное утро в церкви — ваш семейный автомобиль — спокойная атмосфера дома — старый пруд, где купались мальчишки, — домашнее печенье — драка со школьным забиякой — девочка соседка — горькое разочарование?

Вимс. Да, да.

Катлер. По-моему, у тебя мое прошлое. А у меня, должно быть, твоё.

Вимс. Мы поменялись прошлым.

Катлер. Мы разделили его.

Вимс. У всех людей одна и та же история. В этом-то и секрет.

Катлер. И никто об этом не знает.

Вимс. Никто не знает секрета.

Катлер. А кто узнает, тот молчит.

Вимс. Или говорит о другом.

Катлер. Потому что знает.

Вимс. Все это знают.

Катлер. Значит, не нужно...

Вимс. Говорить.

Катлер. И видеть.

Вимс. Или производить впечатление.

Катлер. Или вообще что-то делать.

Вимс. Потому что достаточно знать.

Катлер. Вот почему другие и не знают.

Вимс. А как ты думаешь, что было бы, если бы мы начали говорить об этом?

Катлер. Войнам пришел бы конец.

Вимс. И насилию.

Катлер. И душевным страданиям.

Вимс. Все люди стали бы братьями.

Катлер. И все возлюбили бы друг друга.

Вимс. И наступило бы всеобщее равенство.

Катлер. И благородство чувств.

Вимс. Если бы только они знали, в чем секрет. Так как же ты его находишь?

Катлер. Что?

Вимс. Мое прошлое.

Катлер. Отличное у тебя было прошлое, Тихоня. Теплое. Гуманное.

Вимс. Ты уверен?

Катлер. Типичная у вас была семья — сплывалась, когда было трудно, любила свою страну. Рано утром вставала, чтобы работать в поле: отец уже давно трудится, а тебя и пятерых твоих братьев мать поднимает с постели, изнуренная работой женщина со смеющимися глазами...

Вимс. Это не мое прошлое.

Катлер. Твою мать зовут Консуэла?

Вимс. Нет.

Катлер. А ты, когда был мальчишкой, сажал кофе?

Вимс. У тебя прошлое какого-то даго.

Катлер. Неплохое прошлое.

Вимс. А где же он сам, этот даго?

Катлер. Там. Где-нибудь. Ты знаешь, что это значит, Тихоня?

Вимс. Это значит, что мы все одно целое.

Катлер. Это значит, что я отравил не только своих солдат. Я прихватил и даго. По крайней мере, одного даго.

Вимс. У тебя его прошлое.

Катлер. Значит, я все-таки одного прихлопнул. А может, и больше.

Вимс. И все мы лежим здесь — обмениваемся тайнами.

Катлер. А может, и много больше? Может, я убил дюжину, несколько дюжин. Может, даже сотню! Ничего себе — сотню забрать с собой, уходя на тот свет!

Вимс. Не надо так уходить.

Катлер. Ты шутишь? Не надо уходить с таким блеском? А сколько даго ты забираешь с собой?

Вимс. Ты забыл все, о чем мы с тобой говорили, Трещотка!

Катлер. Ты мне завидуешь!

Вимс. Даго, ты и я — мы одно.

Катлер. Это ты с ними заодно, ты — перебежчик! Почему ты хочешь лишиться моей победы, моих даго?

Вимс. Ты теряешь секрет.

Катлер. Ничего я не теряю. Я храню все секреты. Все секреты с грифом «Совершенно секретно — Космос».

Голова Вимса придвигается к голове Катлера.

Вимс. Не нужна мне твоя черная рука! Ты не человек. Ты не американец. Ты — даго.

Вимс. Я даго, ты — даго...

Катлер. Даго!

В руке его появляется пистолет.

Вимс. Все мы...

Пистолет в руке Катлера стреляет в Вимса.
Тишина.

Катлер. Неплохо! Здорово! Полный блеск!..

Затемнение.

Картина седьмая

Кабинет президента. Всё, как прежде.

Стайлс. Господин президент!

Президент (*не сводя глаз с Парсона*). Да, мистер Стайлс?

Стайлс. У меня есть срочный вопрос, который я должен обсудить с вами. Наедине.

Президент (*саркастически*). Здесь всем можно доверять, мистер Стайлс.

Стайлс. Наедине.

Президент (*поворачивается к Стайлсу*). Это имеет отношение к нашему расследованию?

Стайлс. Я никогда зря не отнимал у вас времени.

Президент. Прошу вас всех, джентльмены, посидеть в приемной. И на этот раз, прошу, никаких звонков.

Все выходят. Стайлс садится.

Стайлс. Я знаю тебя с тех пор, как ты начал заниматься политикой.

Президент. Ты и приобщил меня к политике.

Стайлс. Был бы рад об этом забыть. Ты ведешь себя как последний дурак!

Президент. Поосторожнее!

Стайлс. О, ради всего святого, перестань важничать и спустись на землю. Эмерсон, ты попал в большую беду, и один только я могу тебя из нее вызволить.

Президент. Меня не волнуют выборы. Единственное, что меня волнует, это то, что Парсон убил Эвелин.

Стайлс. Убил? Каким же образом?

Президент. Ты сам знаешь.

Стайлс. Я? А откуда он мог знать, что она была здесь? Она не проходила через приемную. Я был там вместе с Парсоном и не видел ее.

Президент. Она сидела в моем малом кабинете. Там, за этой дверью. Она всегда ждала там, пока я освобожусь.

Стайлс. Как же мог Парсон знать, что она там?

Президент. Должно быть, знал.

Стайлс. Он не мог этого знать. Никто из нас не мог. Хотя нет, не правда. Один из нас мог.

Президент. Кто?

Стайлс. Ты.

Президент. Ты, кажется, зря отнимаешь у меня время.

Стайлс. Потому-то ты так и стремишься спихнуть все на Парсона?
Президент. Убирайся!
Стайлс. Ты не можешь отрицать, что у тебя были на то причины. Если бы она была моей женой, я бы серьезно подумывал о том, что надо ее убить.
Президент. Я любил Эвелин!
Стайлс. Она же на глазах у всех высмеивала тебя. Вызывала к тебе презрение.
Президент. Неправда!
Стайлс. Ты считаешь, что она не навлекала на тебя презрение?
Президент. В этом ты, пожалуй, прав. Но если бы из-за этого людей убивали, то произошло бы массовое истребление жен по всей стране.
Стайлс. У кого еще, кроме президента, была возможность пронести плакат в Белый дом?
Президент. Я не намерен больше выслушивать подобную чепуху.
Стайлс. Это такая же чепуха, как и те трескучие фразы, которыми ты нас пичкал!
Президент. Ну как же я мог взять клюшку Коула, когда все вы находились в это время в приемной?
Стайлс. Мы выходили. Ты сам заставил нас в этом признаться.
Президент. Но ты же не выходил. Ты висел на телефоне.
Стайлс. Это верно. И я должен был бы видеть тебя.
Президент. Значит, я не мог взять драйвер Коула.
Стайлс. Нет.
Президент. А Парсон взял!
Стайлс. Ты сам говоришь, что я бы увидел тебя,— как же в таком случае я мог не заметить Парсона? Ну, хорошо, допустим, он взял клюшку. Что он делает потом? Идет в твой кабинет, отламывает у клюшки биты, выуживает плакат из своих карт, прикрепляет его к стержню и пронзает им твою жену, которая сидит тут за столом и наблюдает за всем, что происходит.
Президент. Да... Эта версия не годится.
Стайлс. Забудь ты о Парсоне! Он не знал, что она была здесь.
Президент. А кто знал?
Стайлс. Никто не знал.
Президент. Никто?
Стайлс. Даже убийца не знал. Он метил вовсе не в миссис Хейл.
Президент. О, господи, значит, он метил в меня?!Стайлс. Да!
Президент. Но как же можно было так ошибиться...
Стайлс. Должно быть, это произошло в темноте.
Президент. Совершенно верно, в темноте. Парсон выключил свет, взял плакат...
Стайлс. Я же сказал тебе: забудь про Парсона. Как он мог найти плакат без света?
Президент. Ну, а кто, кроме Парсона, мог пронести плакат в Белый дом?
Стайлс. Во все не обязательно было его проносить. Он мог попасть сюда иным путем.
Президент. Никакого иного пути быть не может!
Стайлс. А почта?
Президент. Его отправили по почте?
Стайлс. А почему бы и нет? Убийца отправил его — ну, скажем, два дня назад. Он мог даже отправить его вместе со стержнем, но передумал, решив, что куда заманчивее получить отпечатки пальцев президента на орудии убийства. Итак, он отправляет плакат в

каком-нибудь пакете, и если у него есть хотя бы малейшее представление о том, как работает почтовая экспедиция Белого дома, он знает, что пройдут недели, пока пакет вскроют. Когда у него все готово, он идет в экспедицию, забирает плакат, вытаскивает ключик, отламывает битую при помощи какого-нибудь инструмента в экспедиторской и большими скрепками прикрепляет плакат к ключке.

Президент. Зачем так много сложностей?

Стайлс. А кто делает что-нибудь просто в Вашингтоне?

Президент. Нет, это немыслимо! В таком случае его должны были бы видеть в экспедиторской.

Стайлс. А может быть, ему безразлично, видели его или нет.

Президент. Но ему не может быть безразлично!

Стайлс. Допустим, что это не волнует его, поскольку он знает, что даже если его и видели в экспедиторской, никто этого не свяжет с убийством в Белом доме, потому что, кроме нас пятерых, никто не будет знать, что в Белом доме совершено убийство. Я говорю пятерых, а не шестерых, потому что ты тоже не должен был об этом знать. Ты должен был пасть жертвой.

Президент. Но тогда этого нельзя было бы скрыть!

Стайлс. Вице-президент — лояльный член нашей партии, убежденный американец и очень честлюбивый человек. Не менее лояльный, убежденный и честлюбивый, чем его предшественник. То есть ты. Вице-президент не пожелал бы гибели своей партии, не захотел бы наносить ущерб своей стране и лишать себя всякой возможности когда-либо стать президентом, выдав суду убийцу, каковым является председатель партии.

Президент. Помилуй бог, Тим, о чем ты говоришь?

Стайлс. Я убил твою жену. В темноте. Она сидела за твоим столом, чертова баба. Откуда я мог знать? Это была ошибка, но может быть, это не имеет значения.

Президент. Боже мой, ты хотел меня убить! Но почему? Мы же друзья!

Стайлс. Ты провалился бы на выборах.

Президент. Ничего подобного. Я бы выкарабкался.

Стайлс. Страна устала от постоянных кризисов. В прошлый понедельник я видел результаты предварительного голосования, и было ясно как день, что мы вылетаем из обоймы, если у нас не будет нового кандидата. Человека, не связанного с твоими ошибками.

Президент. И ты задумал убить меня в Белом доме?

Стайлс. Кто бы тебя убил и где — это уже технические подробности. Для общественного мнения тебя убил бы где-то в другом месте член оппозиционной партии, возможно, полусумасшедший человек с сильно выраженными симпатиями к радикалам.

Президент. И это вызвало бы у избирателей волну сочувствия, которая вынесла бы вице-президента прямо в мое кресло?

Стайлс. Да, таков был сценарий.

Президент. А вице-президент — он участвовал в этом заговоре?

Стайлс. Этот болван? Он бы наделал в штаны.

Президент. Значит, все это было разработано и выполнено тобой одним?

Стайлс. Да.

Президент. И все для блага нашей партии!

Стайлс. Что хорошо для партии, хорошо и для страны. Я вот уже сорок лет живу делами нашей партии. И не могу сидеть сложа руки и наблюдать, как новички губят ее.

Президент. Ты говоришь обо мне?

Стайлс. Когда я вовлек тебя в политику, ты подавал надежды. Но ты больше слушал свою жену, чем меня. Теперь ты видишь, куда это тебя завело.

Президент. Это страшно, так страшно. Не знаю почему, но я не зол на тебя. И у меня нет желания тебе отомстить. Должно быть, это шок. Но ты должен понести наказание.

Стайлс. Ты хочешь меня арестовать?

Президент. Арестовать? Как я могу?

Стайлс. Но еще совсем недавно ты жаждал добиться правды.

Президент. Да, среди своих. Конечно! Мы знаем, как с ней обращаться. А народ — если они узнают о том, что произошло, это не пойдет им на пользу. Подорвет их веру. И мы не сможем править ими дальше. Мы, конечно, наделали немало ошибок, но, господи, ты можешь представить себе этих типов из оппозиции у власти? Нет, жизненно важно, чтобы мы остались.

Стайлс (*вручает ему бумагу*). Я написал признание. Я написал его в приемной до того, как все произошло, поэтому, прошу тебя, вычеркни свое имя и впиши имя своей жены.

Президент. Мне не нужно это признание.

Стайлс. Я собираюсь передать его прессе.

Президент. Что ты хочешь сделать со мной, Стайлс?

Стайлс. Я не желаю больше идти с тобой рядом, как прежде.

Президент. Но чего же ты добиваешься?

Стайлс. Возможности влиять на внешнюю политику нашего правительства.

Президент. Но ты же политик, а не дипломат!

Стайлс. А твоя дипломатия губит нашу политику. И я не могу рисковать будущими выборами из-за твоих ошибок.

Президент. Я буду советоваться с тобой, как прежде.

Стайлс. Нет.

Президент. Ты больше ничего от меня не получишь.

Стайлс. Тогда я опубликую это признание.

Президент. Но ты погубишь партию.

Стайлс. По твоей милости от нее не так уж много осталось.

Президент. Это шантаж.

Оба долго в упор смотрят друг на друга. Президент сдается.

Кем ты хочешь быть?

Стайлс. Министром обороны.

Президент. Я не могу так поступить с Парсоном. Я и так уже обвинил его в убийстве. Я не могу отобрать у него этот пост.

Стайлс. Я хочу быть министром обороны.

Президент. Я этого не сделаю. Да прояви ты, бога ради, хоть немного человеческого понимания. Ты хочешь направлять нашу внешнюю политику? Я сделаю тебя нашим представителем в ООН.

Стайлс. Я не для того убил твою жену, чтобы быть мальчиком на побегушках. Прошу относиться ко мне с уважением.

Президент. Я назначу тебя послом в Бразилию.

Стайлс багровеет.

Специальным представителем президента!

Стайлс встает, держа в руках признание.

Помощником президента по иностранным делам!

Стайлс направляется к двери.

Даю тебе государственный департамент!

Стайлс (*медленно оборачивается*). Серьезно?

Президент. У меня нет выбора.

Стайлс (*расплываясь в улыбке*). Значит, государственный секретарь!

Президент. Ты, надеюсь, понимаешь, что я не могу назначить тебя до выборов.

Стайлс (*восхищенно*). Государственный секретарь!

Президент (*встает, идет к двери и открывает ее*). Прошу вас джентльмены.

Все входят.

Прежде всего, я хочу поблагодарить вас всех за то, что вы были так терпеливы ко мне на всем протяжении этой ужасной истории. И, во-вторых, я хочу принести мои самые искренние извинения министру обороны. Бифф знает меня очень давно и очень хорошо и поэтому поймет, что, только будучи не в себе, я мог взвалить на него эти необоснованные обвинения. Бифф, прошу тебя, пойми и прости меня.

Парсон. Я уже забыл об этом.

Президент. Далее. Наше внимание было отвлечено от СБ-97. Я виноват в этом. А этот вопрос необходимо было закрыть как можно скорее. Далее — что далее? Да, должен сообщить вам печальную новость личного характера. Возможно, вы слышали, что Перва-леди вылетела вчера вечером в Чикаго для кратковременного отдыха. Мне только что сообщили по телефону, что она серьезно больна. Доктора подозревают пищевое отравление.

Освещается пустое поле боя. Свет такой же, что и в кабинете президента.
Над сценой поднимаются клубы газа.

Все (*хором*). О, как неприятно, господин президент!

Все застывают. Немая сцена. Свет становится ядовито зеленым.

ЗАНАВЕС.

